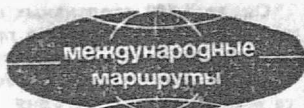

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

По приглашению общества «Франция — СССР» во Францию побывали несколько советских театральных деятелей. Среди них был главный режиссер Паневежского драматического театра, народный артист СССР Юозас Мильтинис. По просьбе редакции с ним встретилась литовская журналистка Ирена Литвинайте.

— Поделитесь, пожалуйста, впечатлениями об этой поездке.

Не давшая покоя мечта о театре привела в 1932 году меня, двадцатилетнего сельского паренька из Западной Литвы, в Париж. Пять лет вместе с Жаном-Луи Барро, Жаном Виларом, Роже Бленом, Жаном Дасте и другими постигал я секреты театрального искусства у Шарля Дюллена, одного из великой четверки — Дюллен, Луи Жуве, Гастон Бати и Жорж Питюев, которая противопоставила себя коммерческому театру. Нашему учителю были близки тенденции русского реалистического театрального искусства. Именно там, на Монмартре, в театральной студии Шарля Дюллена, я познакомился с системой Станиславского. Все мы тогда мечтали работать с собственными учениками, сплотить их в коллектив единомышленников, утверждать на сцене поэзию жизни, любовь к жизни, правду жизни. И когда я в 1937 году вернулся домой в Литву, я твердо знал принципы своего будущего театра, его направленность, репертуар.

И вот теперь, как когда-то, я опять провожу вечера в парижских театрах, гуляю по ночному Парижу, не могу налюбоваться архитектурными памятниками, красотой соборов, сокровищами музеев. Снова долгие, допоздна разговоры с моим другом Жаном-Луи Барро, с которым два года жили в одной квартире, делились вином и мечтами...

Неугомонный Барро... Все такой же жизнелюб, энергичный, изобретательный... Мы говорили о том далеком времени, вспомнили неожиданную нашу встречу пару лет назад на Московском международном театральном конгрессе. Он обмолвился о предстоящих гастролях его труппы нынешней весной в Москве и Ленинграде. Говорили и о любимом нами обоими Чехове. Неукротимый, не знающий усталости Барро сейчас оставил театр «Одеон» и в огромном зале одного из парижских вокзалов ставит спектакли для широкой аудитории. К сожалению, посмотрел только две его новейшие постановки, которые были в репертуаре той недели, — пьесы Маргерит Дюра и Дика Хиггенса — вариации на тему одиночества и отчужденности людей в буржуазном обществе.

Вспомнили и Жана Вилара. Я рассказал о своей встрече с ним несколько лет назад в Лите, когда в Вильнюсской филармонии он вдохновенно читал Гюго и Ренара. Говорили о его большой возвышенной мечте — привести в театр зрителей самых широких демократических кругов, о реорганизованном им Национальном народном театре, об оставленной им доброй традиции — Авиньонских фестивалей.

— Довелось ли вам познакомиться с деятельностью театров «Красного пояса Парижа»?

— Мы были в нескольких предместьях Парижа: Нантере, Обервилье, Вильжюйфе, Сен-Дени и повсюду видели глубокий след, оставленный Жаном Виларом. Радостно, что его идея похода в народ нашла пламенных последователей. Теперь здесь, в бывшей «культурной пустыне», идет интересная и интенсивная театральная жизнь. Зритель очень разный: не только местные рабочие, но и люди разных социальных категорий, профессий, образования. Много художественной молодежи. Сюда приезжают из Парижа те, кому наскудились бульварные, развлекательные спектакли. Здесь театры стремятся приблизить сцену к зрителю, активизировать публику. Их очень поддерживают местные муниципалитеты, особенно те, в которых главенствуют коммунисты.

Режиссеры — очень раз-

ные творческие индивидуальности. Экспериментирующие, ошибающиеся, но ищущие. Они порой ставят спектакли в спортзалах, рабочих столовых, в цирках шапито. Так, руководитель «Театра Коммуны» в Обервилье Габриэль Гарран поставил в спортивном зале обычной школы «Оптимистическую трагедию», имевшую огромный успех во Франции. Сейчас этот интересный театр стараниями местного муниципалитета размещен в удобном современном здании, очень похожем на здание нашего театра в Паневежисе. Режиссер Театра имени Жерара Филипа в Сен-Дени Жозе Вальверде рассказывал, что стремится быстро откликаться на актуальные события политической жизни. Например, в Сен-Де-

— Я старался каждый вечер попасть в какой-нибудь театр. Делать обобщения было бы, конечно, излишней смелостью, могу только поделиться впечатлениями.

С беспокойством шел в парижский Национальный народный театр. Я знал, что с уходом оттуда Вилара театр претерпел кризис развития. Теперь здесь, на бульваре Трокадеро, во дворце Шайо, я встретил двух знакомых по пребыванию в нашей стране режиссеров. Театром руководит бывший режиссер Страсбургского театра Андре-Луи Перинетти, пригласивший работать у себя и режиссера Театра комедии из Ренна Жоржа Губера. Они оба решили продолжать демократические традиции Жана Вилара. Во время разговора с ними вспомнились проводив-

ТРУДНЫЙ ПОИСК НОВОГО ПУТИ

Французский театр
глазами Юозаса Мильтиниса

ни ставился документально-политический монтаж «Освободите Анджели Дэвис сейчас же!» Теперь на этой сцене — темпераментная документальная пьеса «Чили победит!» В Театре имени Романа Роллана в Вильжюйфе Раймон Жербаль поставил хореографический спектакль, посвященный Маргиту Лютеру Кингу. Пьер Дебош, очень интеллектуальный и самобытный режиссер, в репертуаре которого Шекспир и Мольер, Чехов и Горький, Стриндберг и Булгаков, тоже откликается на явления политической жизни. Он автор постановки «Который сейчас час в Вальпарайсо?», в которой звучат песни композитора Серхио Ортеги на стихи Пабло Неруды.

Во время посещения редакции «Юманите» нам рассказывали, что театры «Красного пояса Парижа» — постоянные участники праздников «Юманите». К минувшей годовщине Великого Октября Театр имени Романа Роллана показал спектакль, поставленный по книге Жюна Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Мне кажется, эти театры сделали очень многое, чтобы в зрительные залы пришла широкая демократическая публика.

— Интересно было бы узнать о подготовке актеров во Франции.

— Мне довелось побывать в Парижской консерватории, куда приглашены преподавать драматическое искусство режиссеры театров парижских предместий Пьер Дебош и Аянтуан Витес. Они откровенно, публично отрицают пользу старой консерваторской подготовки актеров. Недавно министерство культуры дало им возможность показать, на что они способны сами. Это налагает большую ответственность и ко многому обязывает. Мы побывали на их репетициях, на занятиях. Работают очень интересно, много импровизации, очень демократичная атмосфера, трудно отличить, где актер, а где рабочий сцены. Эти режиссеры стремятся готовить актеров новой формации, новой духовной структуры — актеров-граждан, которые могли бы и провести беседу со зрителями, и написать публицистическую статью, которые не сочли бы ниже своего достоинства установить декорации и тому подобное.

— Разумеется, за десять дней было трудно охватить всю панораму театральной жизни Франции. Однако вы, наверно, почувствовали, чем в целом живет современный французский театр.

шесся Жаном Виларом так называемые «Ночи «Рено», когда большой зал, вмещающий 2.700 зрителей, по вечерам заполняли рабочие автомобильных заводов «Рено». Теперь в этом зале проходят концерты, выступают гастролирующие коллективы, зарубежные гости. Малый, очень уютный — на пятьсот мест — зал Жемье, названный так в честь основателя Национального народного театра, известного режиссера и актера Фирмена Жемье, — своеобразная экспериментальная студия. Нам рассказали, что в нем чаще всего ставятся произведения современных авторов.

Ошеломляющее зрелище — поставленный в парижском Дворце спорта Робером Оссейном «Потемкин». Оссейн долгие годы вынашивал мечту о своем театре, во имя этой мечты он, по его собственным словам, работал в кино, прославился серией картин об Анжелике и другими коммерческими фильмами. Теперь наконец получил возможность работать над глубокой, сложной драматургией. С успехом идут на парижских сценах его постановки: «Преступление и наказание» Достоевского, «На дне» Горького, «Дом Бернарды Альбы» Гарсиа Лорки. «Потемкин» же — величественное, двухчасовое, непрерывное (кстати, во всех французских театрах спектакли идут без антрактов), шумное зрелище.

В целом у меня сложилось несколько странное впечатление, что французским театром в последнее время сильно завладела техника, излишнее увлечение ее возможностями. Сцены и зрительные залы оборудованы очень современно, хорошо механизированы, зрители по воле режиссера могут то приблизиться к сцене, то обогнуть ее, то отдалиться.

Я не в восторге от таких шумных, механизированных зрелищ. В театре я ищу человеческое, а не чудеса техники. Мой театр — камерный, психологический, театр мысли и чувства, человеческих переживаний. Театр для меня — это прежде всего человек со своей печалью и счастьем, со своими горестями и радостями. Такой театр я выбрал в юности, стараюсь быть ему верным по сей день, помогать людям познать жизнь и себя, достичь смысла существования, разбудить тягу к добру и красоте. Сколько современный человек получает информации! Помочь человеку не потерять себя, ободрить его, заставить взглянуть со стороны на себя, на свой внутренняя мир — это в силах театра, это его задача.